

МАША
ТРАУБ

РИСОВАЛА ЕВДОКИЯ

СЪЕДОБНЫЕ СКАЗКИ

КНИГИ
Вилли
Винки

Звёздные сказки

Маша Трауб

Съедобные сказки

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Съедобные сказки / М. Трауб — «Издательство АСТ»,
2022 — (Звёздные сказки)

ISBN 978-5-17-147354-9

Я сама не могу поверить в то, что этим сказкам почти столько же лет, сколько моему сыну Василию. А ему уже двадцать один год. Да, я писала их специально для него — когда он был малышом, накормить его удавалось только под увлекательную историю. Потом у меня родилась дочь Серафима, которая ела даже хуже Васи. И «Съедобные сказки» я рассказывала уже для неё. За эти годы я получила множество благодарностей от родителей детей-малоежек, для которых книга стала настольной в прямом смысле слова. Она лежала на столе детского стульчика, и ребёнок соглашался съесть кашу или котлету только в том случае, если ему прочтут про любимых героев. И это — моя главная награда. И моё счастье. Ваша Маша Трауб! Для дошкольного возраста.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147354-9

© Трауб М., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Как накормить Васю	7
Макаронина Стеша	10
Эклер Валера	21
Жвачка Липа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

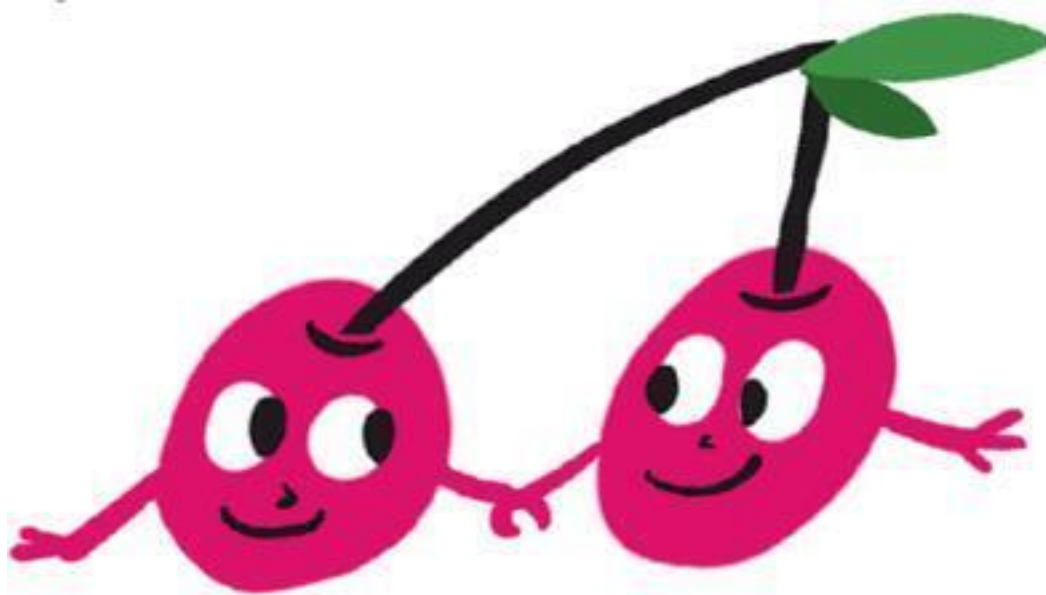
СЪЕДОБНЫЕ СКАЗКИ

Маша Трауб
Съедобные сказки

Художник Евдокия

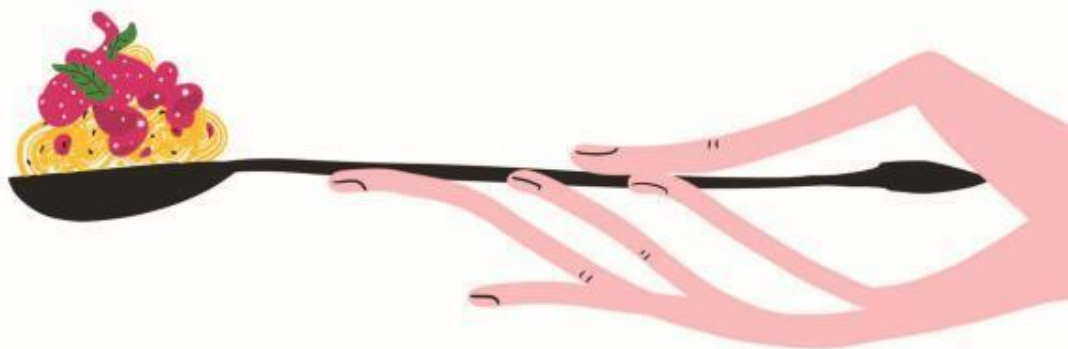

© Трауб М., текст, 2022
© Гасумян Е., иллюстрации, 2022
© Издательство АСТ, 2022

Как накормить Васю

КАК НАКОРМИТЬ ВАСЮ

Эти сказки я написала не по доброй воле, а по необходимости. Мой сын Василий, сколько я его помню, а помню я его уже семь лет, плохо ел. А когда он не ел, то превращался в крикливого, плаксивого, достаточно противного мальчика. Зато когда наедался, то становился похож на того, кого я рожала, – хохочущего, ласкового, доброго ребёнка. Накормить Васю надо было любым способом. А перепробовали этих самых способов мы много – и перед телевизором ели, и узоры по тарелке рисовали, и котлеты в ёжиков с огуречными иголками превращали. Ничего не помогало. Даже «Макдональдс» не помог. Василий сказал, что «это он тем более не ест». Сын худел на глазах и считал у себя рёбра. Мы с Васиным папой тоже потеряли аппетит от расстройства и тоже стали плаксивыми, крикливыми и достаточно противными родителями. Однажды мы все вместе пошли в ресторан. На первом этаже этого ресторана жила живая курица. Нога такой же курицы лежала у Васи на тарелке.

– Чья это нога? – сурово спросил Вася.

– Вон той курицы, – сурово ответила я, – точнее, её подружки.

Мне так надоело уговаривать сына поесть, терпеливо объяснять про полезность и нужность продуктов, что говорила я страшным голосом.

– А её зарезали? – испуганно спросил Вася.

– Не скажу, – буркнула я.

– А если я её съем, расскажешь? – спросил сын.

– Расскажу, только это грустная история, – рыкнула я.

К тому моменту, когда наша курица путешествовала по Африке, сломала себе ногу в таинственных лесных дебрях и полюбила петуха на украинском хуторе, Вася доедал картошку и принялся за пирожки. Вокруг меня столпились дети с других столов вместе со своими тарелками.

С тех пор Вася перестал капризничать и стал всеяден. А я превратилась в застольную Шехерезаду. Так появились макаронина Стеша, креветка Фира и каша Маня.

Эти сказки «проверены на детях». Они помогли накормить не только Васю, но и других плохо едящих и считающих рёбра мальчиков и девочек. Не верите? Приглашаю вас в ресторан.

Макаронина Стеша

МАКАРОНИНА
Стеша

Макаронина Стеша была длинной и худой. Вообще-то её звали красивым именем Стефания. Так иногда называют девочек в Италии. Это такая страна, похожая на сапог, если на карте смотреть. Красивый, на каблучке. Поэтому и имена такие – каблучные.

Но Стеша попала в Россию, похожую на масляное сливочное пятно в молочном супе. А в такой стране, как Россия, девочек Стефаниями не зовут. Потому что на каблуках здесь очень тяжело ходить.

Макаронина стала Стешей. Стеша – очень удобно. Как в тапочках. Стеша не очень расстроилась из-за имени, а вот из-за прозвища расстроилась очень. Её дразнили Спагеттиной. В магазине на полке она лежала с самого края. И всё слышала.

– Ты будешь есть спагетти? – спрашивала мама девочку.

– Не буду спагеттину. Хочу бабочек, – отвечала девочка.

С мальчиками было не лучше. Они вообще её червяком обзывали. И требовали машинок или самолётиков.

Стеша, когда её упаковку однажды уронили на пол, увидела этих бабочек. Они, конечно, были красивые.

С ребристыми краешками. Даже не бабочки, а бантики. Стеша долго валялась на полу и снизу вверх рассматривала соседей по полке. Бабочки-бантики – это что! Вот сердечки – это да. Маленькие, аккуратненькие. Такие все из себя... Стеша не знала, какие они такие. Слова не могла подобрать. Такие... ненатуральные. Нерукотворные. Такие красивые, что их даже есть страшно. Стеша успокоила себя тем, что сердечки наверняка невкусные. Красивое не всегда бывает вкусным. Макаронине сказала об этом её соседка по полке – баба Марфа.

Баба Марфа была старой мудрой лапшой. Её сделали давно-давно и не в Италии, а на маленьком заводе где-то посередине масляного пятна, если смотреть на карту. Уже и завода этого не было, потому что он сломался и не работал, а баба Марфа была, хоть и просроченная. Это означало, что лапша такая старая, что её есть уже нельзя. Лежала она у самой стенки, в углу, ничего не видела, ничего не слышала, но всё знала. Очень мудрая была лапша. Она пережила всех своих товаров – их забирали, клали на тележки и увозили в неизвестном направлении, а про упаковку с бабой Марфой всё время забывали. Баба Марфа давно потеряла товар-

ный вид, за что её уважали ещё больше. Потому что ей было всё равно. Когда ты такой старый и столько лет пролежал на полке, то про внешний вид уже не думаешь. А думаешь про жизнь.

Спагеттина Стеша уже знала, как надо себя вести с бабой Марфой – молчать и слушать. Даже если неинтересно. Иногда лапша пускалась в воспоминания – как было раньше. А раньше на полках, рассказывала баба Марфа, лежала одна лапша. Она была серого цвета и не развиривалась, как ни старайся. И за лапшой стояли в очереди. А очередь была длинной, как самая длинная спагеттина.

Даже ещё длиннее. И берегли эту серую лапшу, и ценили. Не то что сейчас.

Так вот когда бабу Марфу оттеснили в самый дальний, пыльный угол, заложив новыми разноцветными макаронами, лапша не выдержала. Хотя она была хорошая бабушка, добрая. Стеше сказки на ночь рассказывала, шурша целлофаном. Новые разноцветные макароны очень шумели и мешали спать после обеда бабе Марфе. А разноцветными они были потому, что в них добавляли томаты и шпинат. Томаты – это помидоры. Макароны от них стали красными. А шпинат – такая трава, очень полезная, хоть и некрасивая. Зелёная. Бр-р-р. И макароны от неё стали зелёными. Но они, естественно, были о себе очень высокого мнения.

Так и говорили – «мы цвета спелого томата и цвета шпината». Остальные макароны смотрели им в рот, потому что макароны-то не знали, что томат – это тот же помидор, только называется по-другому. А что за шпинат такой – вообще никто не догадывался.

Одна такая красная макаронина толкнула бабу Марфу и даже не извинилась. Хотя все приличные макаронные изделия знают, что старших нужно уважать и тем более не толкаться на полке. Это была такая макаронная этика. Этика – очень сложная наука. Если её изучить, то будешь знать, как себя вести, и не попадёшь в дурацкое положение. Хотя бабу Марфу кого угодно могла поставить в дурацкое положение. Потому что очень умная была, хоть и науки не знала. Стеша давно догадалась – можно быть умной по науке, а можно по жизни. Это не одно и то же. Но быть умной по жизни ещё сложнее, чем выучить правила поведения. Про жизнь Стеше бабу Марфа объяснила. Стеша не очень поняла, но на всякий случай не стала спорить.

В общем, красная макаронина толкнула бабу Марфу в смятый бок. А он у неё болел, когда погода менялась или давление подскакивало, и бабушка в такие моменты тихонько шуршала пакетом, устраиваясь поудобнее.

– Слышь, ты, рыжая, полегче. Не одна тут, – буркнула баба Марфа. Конечно, баба Марфа сказала не очень вежливо. Но у неё была тяжёлая жизнь, и в той жизни все так разговаривали. Хотя и толкаться тоже невежливо.

– Я не рыжая, а цвета спелого томата, – взвизгнула от возмущения макаронина. – И почему мы лежим на одной полке с макаронами из другой ценовой категории? – обратилась она к своей соседке.

Та согласно закивала.

– Да грош тебе цена, – буркнула баба Марфа.

Стеша по её голосу поняла, что лапша начинала сердиться. Но красная макаронина не знала бабу Марфу так хорошо, как Стеша, и продолжала возмущаться на всю полку.

– А вот и неправда. Вы, между прочим, хоть и стоите в два раза меньше, а вас всё равно не берут. А меня – дорогую – выберут. Вот увидите. Прямо завтра. Нет, ещё сегодня.

– И съедят тебя, такую кралю, и не поперхнутся. А вот ты попробуй с моё полежи. Уже третий год пошёл, как непригодна к употреблению.

Спагеттина Стеша удивилась – она была уверена, что баба Марфа поставит эту крашеную помидорами выскочку на место. Но старая лапша говорила спокойно и даже грустно. И от этого Стеше стала ещё больше неприятна красная макаронина. Баба Марфа хотела ещё что-то сказать, но закашлялась. Когда в магазине поставили кондиционеры, лапша стала часто простужаться и кашлять. А старые макароны, как и люди, болеют долго и тяжело.

На следующее утро красная макаронина проснулась от резкого толчка. А раз толкнули её, то она толкнула бабу Марфу и Стешу.

– Ну что, горемычная, чтоб тебе пусто было, – пробурчала баба Марфа. Хотя она не спала: бессонница, вот ведь напасть. Сон не идёт. В пять утра проснулась, и даже этикетки не помогают. Баба Марфа, чтобы заснуть ещё хоть на полчаса, читала этикетки соседок. По слогам. Потому что от старости плохо видеть стала. А этикетки маленькими буквами стали

писать. Не разберёшь. А то вообще моду взяли – на иностранных языках пишут. На Стеше и на этой красной лахудре было написано: «Паста». Сначала другими буквами, иностранными, а рядом – русскими, понятными.

– Паста – это чё такое? – спросила баба Марфа у Стешы.

– Точно не знаю, но меня в Италии так называли, – похвасталась Стеша. Не хотела хвастаться, а всё равно получилось.

– Значит, макароны по-ихнему, – догадалась баба Марфа. Стеша была ещё молодой спагеттиной, любила поспать и тоже рассердилась, когда её разбудили.

– Что вы опять толкаетесь? – спросила она красную макаронину.

Но макаронина не ответила. Она смотрела на нового соседа по полке, которого только что подселили. Совершенно неприлично смотрела – чуть из упаковки не вывалилась. Стеша тоже скосила глаза и подвинулась, чтобы было лучше видно. Там, прямо с самого края, лежали самолёты и машины. Тоже разноцветные – бело-красно-зелёные.

— Ой, смотрите, смотрите, кто здесь, — зашуршали пакетами другие макаронины-барышни на полке.

Машины и самолёты на полном газу демонстрировали габариты и мощность.

– Ой, допрыгаются касатики, как пить дать, допрыгаются, – прокомментировала баба Марфа, хотя ничего не видела из своего угла. И как в воду глядела. Упаковка с макаронной техникой шмякнулась на кафельный пол и порвалась. Самолёты разлетелись, машины разъехались. Прошёл мужчина, прокатил тележку и раздавил машинку.

– Авария, – отреагировала на хруст баба Марфа.

Потом пришла уборщица, собрала в совок всех, кто не успел отлететь и отъехать под полку, и унесла. Все макароны на полке смотрели вниз, чуть не падая и едва не закручиваясь в спирали. Только рожкам и было хорошо. Они могли не бояться свернуть себе шею, потому что и так были перекрученные.

Стеша тоже тянула и без того длинную шею.

И только благодаря своему росту увидела, как красная макаронина с тихим хрустом переломилась пополам. Не прямо посередине, а чуть выше, там, где у людей находится сердце, а у макарон – перемолотое пшеничное зёрнышко.

– Ты чего? – Стеша от неожиданности забыла правила этикета и сказала не «вы», а «ты», хотя «тыкать» малознакомым макаролинам неприлично.

– Его больше нет, – сказала красная макаронина. Она перестала привычно визжать и стала говорить нормально. Даже слишком тихо.

– Кого – его? – не поняла Стеша.

– Его, – выдохнула макаронина, – того самолёта. Самого красивого в упаковке. Самого смелого, самого-самого. – Макаронина заплакала – Стеша видела капельку воды на упаковке. Хотя, может быть, это опять стал протекать кондиционер – он как раз над ними висел и уже два раза протекал прямо на их полку.

– Не плачь, – сказала Стеша.

– Поплачь, легче будет, – посоветовала баба Марфа.

Стеша смотрела, как плачет красная макаронина. От горя она перестала быть цвета спелого томата и даже, казалось, потемнела. Стала то ли бордовой, то ли чёрной. Или это лампочка опять перегорела, и Стеше показалось. Но Спагеттина решила не думать про кондиционер. Вот рядом коллега по цеху страдает, а Стеша плохое о ней думает. Так нельзя.

– Вы знаете, – она опять перешла на «вы», – его не унесли, он под нашу полку успел залететь. Я видела. Точно вам говорю. Я же длинная, и мне было лучше видно. Так что он здесь. Здесь. Не плачьте.

– Оклемается, соколик, и прилетит, – поддержала Стешу баба Марфа. Стеша про себя даже удивиться успела. Она ведь соврала, видела, что уборщица всех в совок собрала. Просто макаронину пожалела. А бабе Марфе зачем врать? Тем более этой – крашеной?

Но Стеша не успела додумать эту мысль. Её вдруг вырвали из тёмного и привычного угла и бросили куда-то в свет, поверх журналов и пакета молока.

– Баба Марфа, – закричала Стеша, – что это?!

– Это жизнь, Стешенька, – услышала она шуршание старой лапши.

Эклер Валера

Эклер Валера родился пирожным. Не простым, не волшебным, а фокусным. Волшебное – это как в сказке, раз – и вдруг случилось волшебство. Дракон заговорил, например. А фокусное – это как в цирке. Есть специальный секрет, который нужно знать, чтобы получился фокус. И никому про этот секрет не рассказывать. Потому что никто не должен знать, как фокус получается. Тогда интересно. Почти как в сказке.

Так вот эклер – пирожное с секретом. Как крем или сгущёнка внутрь попадают? Сверху же ничего не видно, а откусил – и раз, крем. Но Валера этот секрет знал – ему мама рассказала. Даже папа не знал этот секрет. И, как говорила мама, знать не хотел – у него и так голова делами всякими забита. Мальчики вообще не любят про кухню думать. Только сначала, когда ещё маленькие, любят, а потом разлюбивают. Но некоторые мальчики продолжают всякие секреты про кухню узнавать, когда взрослыми становятся. Они поварами работают. А ещё совсем неко-

торые знают такие фокусы, которые даже тётеньки не знают. Потому что есть такие тётеньки, которые как дяденьки – на кухню их калачом не заманишь. А калач – это очень вкусный бублик. Но папа Валеры фокусов не знал, и маме Валеры пришлось встать к плите, хотя она считала, что есть дела поинтереснее кулинарных фокусов. Но ей так хотелось, чтобы Валере было вкусно. Она же мама. А мамы, они всегда сначала о детях думают, а потом о себе. Хотя дети в это ни за что не верят. Они думают, что мамы всё им назло делают. Чтобы было невкусно, неинтересно, не так, как хочется детям. А так, как хочется мамам.

Так вот, оказывается, в эклерах есть дырка, куда крем кладут. Только она не сверху, а сбоку. Сначала тесто делают, как лепёшечки. А потом в духовку ставят. В духовке это тесто превращается в кружочки, которые внутри – пустые. Вот какой секрет. Потом эти кружочки разрезают сбоку и крем в эту специальную пустоту запикивают маленькой ложечкой. И склеивают. Да. Не верите? А зря. Тесто от крема склеивается, как клеем. И ничего не видно. Такой фокус.

Валера очень не любил есть крем. А нужно было есть его три раза в день хорошо и ещё два раза по чуть-чуть. Не успеешь проснуться – крем нужно есть. Только-только погулял и поиграл – и опять есть, на самом интересном месте игры.

- Валера, пора обедать, – звала мама.
- Я уже обедал, – кричал он.
- Ты завтракал, а сейчас – время обеда.
- Не хочу, – спорил с мамой Валера.
- Пора есть, – говорила мама.
- Не хочу.
- Иди, крем остывает.

– Сейчас, – обещал Валера. Он хотел доиграть, потому что неинтересно потом опять сначала начинать.

– Я не буду тебе подогрывать, – сердилась мама, – крем давно на столе.

Вот почему мамы, они такие? Если зовёт есть, то нужно идти сразу же. Вот сию минуту. И начинают сердиться, если не приходишь сразу. И вообще, наверняка это какая-нибудь мама придумала про завтраки, обеды, полдники и ужины в одно и то же время. А почему нельзя завтракать вечером, а ужинать – утром? А полдничать вообще ночью. Вот это было бы здорово!

Валера приходил, садился за стол, но мама всё равно была недовольна.

– Как ты сидишь? Сядь ровно. Ты сейчас со стула упадёшь. Пододвинься ближе, – бурчала мама.

Валера всегда сидел на половинке стула. Чтобы быстрее выскочить из-за стола. А мама его усаживала целиком, да ещё стул к столу пододвигала близко. Захочешь – не выскочишь из такой придвинутости. Есть еду так, как хочет мама, – сплошное мучение. Ногой болтать нельзя, попой елозить на стуле нельзя, локти на стол ставить нельзя, руками размахивать нельзя, есть руками тоже нельзя. Ужасный ужас. Ещё нужно стараться не опрокинуть стакан с кремом, не уронить ложку или ещё чего похуже – тарелку. А самое сложное – чтобы еда из ложки на тарелку падала. Ну никак у Валеры еда назад не падала. Всё время промахивалась – то на стол рядом с тарелкой упадёт, то на пол, то на стул. И это ведь правда сложно. Стакан же не клеем приклеен. Чуть-чуть его заденешь, и – дзынь, всё вокруг в креме. И почему Валере нельзя попой по стулу елозить, а тарелке по столу – можно?

- Почему нужно есть сидя, а нельзя лёжа? – спрашивал Валера маму.
- Потому что поперхнёшься, – отвечала мама.

– А почему маленькие дети не поперхиваются? И я раньше ел и не поперхивался, – спрашивал опять Валера. Он видел на фотографиях в альбоме – когда он был совсем маленьким эклером, мама держала его на руках и кормила кремом из бутылочки.

– Потому что так можно есть только маленьким, – отвечала мама. Ей нужно было ещё убрать со стола, помыть посуду и приготовить на ужин крем.

– Нет, хочу есть лёжа, как маленький, – раскапризничался Валера.

– Хорошо, попробуй, – почему-то согласилась мама, хотя мамы на такое никогда не соглашались.

Валера лёг на пол, рядом поставил тарелку. Ничего не получилось. Во-первых, тарелку было не видно, во-вторых, неудобно задираť голову, чтобы ложкой взять крем, и, в-третьих, не глотається. Приходилось садиться, чтобы проглотить. Пока съел три ложки – устал от этих подниманий, даже живот заболел. К тому же футболку испачкал. А попробуйте с ложкой в руках такое сделать! Это же прямо цирковой номер. Валера быстренько передел футболку, чтобы мама ни о чём не догадалась.

– Ну и как, – спросила мама, когда Валера вернулся на кухню, – удобно?

– Очень удобно, – ответил Валера, потому что ни за что не хотел признавать, что мама, как всегда, права. Она и так была уверена, что всегда права, а Валера не прав.

– Ну-ну, – сказала мама.

А вечером Валера решил попробовать другой способ. Задом наперёд.

– Я буду есть спиной, – сказал он маме.

– Хорошо, – опять согласилась она.

Валера заподозрил, что мама опять знает что-то такое, чего не знает он. Потому что мамы на еду спиной никогда не должны соглашаться.

Валера сел на стуле спиной к столу. Сначала было весело и интересно – мама варила на плите крем, крем смешно булькал. А потом... Потом ему пришлось так скручиваться, чтобы ложкой до тарелки дотянуться, что все бока заболели. И пока он доносил ложку до рта, ложка оказывалась пустой – весь крем расплескивался на стол, стул, пол. Даже на стену попал.

– Ну и как? – спросила его мама.

– Очень удобно, – опять сказал неправду эклер.

На следующий день Валера пробовал есть сидя на корточках, лёжа на боку, вниз головой и левой рукой. Даже ногой держать ложку пробовал. Вечером, когда мама поставила перед ним ужин, Валера обиделся.

– Не буду есть, – захныкал он. Конечно, он так устал от своих экспериментов, да ещё голодный много раз проходил. Если есть ногой – в рот ничего не попадёт. И переодевался он

целый день в чистое. Потому что вся одежда в креме после еды была. А это ещё тяжелее, чем ногой есть, – переодеваться. Тут любой обидится и захнычет.

– Давай я сделаю, чтобы тебе удобно было, – предложила мама.

– Давай, – согласился эклер.

Мама усадила Валеру на стул всей попой, пододвинула к столу стул, тарелку поставила поближе, а стакан, наоборот, подальше. Салфетку рядом положила. И Валера съел весь крем. Даже ничего мимо тарелки не упало. Даже футболку переодевать не пришлось.

Жвачка Липа

Липа – очень распространённое жвательное имя. Как Катя или Саша у детей. Однажды был случай, когда в одной комнате собрались сразу три Саши и две Кати. Было весело, потому что все перепутались. Липами маленьких жвачек называют потому, что они прилепляются. Если пожевать жвачку и вечером прилепить её к чему-нибудь твёрдому – столу, кровати, полу – и оставить на ночь, то утром ни за что не отлепишь. Только мама сможет ножом отскрести. Особенно хорошо к полу прилеплять. Главное, не забыть, куда именно. А то наступишь тапочкой, и всё – жвачка прилепится. Да так крепко, что даже маме придётся помучиться, чтобы её отлепить.

Так вот наша Липа жила в клубничной пачке. У неё был старший брат – совсем большой, папа с мамой и целых две бабушки, один дедушка и одна тётя. Когда у Липы был день рождения или Новый год, она очень радовалась, что у неё такая большая семья. Все приезжали к ней и дарили подарки. Из подарков получалась целая куча. Все были весёлые и говорили, что Липа – самая красивая и самая умная жвачка. Все с ней играли, во что захочешь, и разговаривали,

и книжки читали. А в остальные дни Липа не радовалась, а расстраивалась. Потому что у всех были дела.

- Мама, мама! – звала Липа маму.
- Позови папу, я по телефону разговариваю, – отвечала мама.
- Папа, папа! – звала Липа папу.
- Липа, у меня дело срочное. Пусть тебе брат поможет, – отвечал папа.

Липа шла в комнату брата – у него была своя комната, потому что он был уже взрослый. Стучалась, потому что брат был взрослый и к нему нужно было стучаться.

ПОПРОБУЙ ОТЛЕПИ!

– Отлепись, у меня дела, – говорил брат, хоть и сам был жвачкой. Липа брата побаивалась, потому что он был непонятный. Не такой, как папа с мамой или бабушка. Брат иногда был как маленький – обижался и капризничал не хуже Липы, а иногда как взрослый – строил из себя папу. Вот как сейчас. Хотя какие у брата дела, Липа прекрасно знала – сидит перед компьютером и играет в игрушки для таких взрослых, которые ещё как дети. Иногда Липу отправляли к бабушкам. Бабушку, которая мамина мама, Липа больше любила, чем бабушку, которая папина мама. Первая бабушка знала много всяких историй про Липу-путешественницу, про Липу-волшебницу, про Липу-фею, про Липу – красавицу и рукодельницу. Липа слушала и представляла себе себя. Но бабушка не могла целый день рассказывать истории. У неё тоже были дела – то посуду помыть, то погладить. А вторая бабушка тоже сначала была любимая – она сразу вела Липу в детский магазин и разрешала выбрать любую игрушку. Когда они приходили домой, Липа играла в новую игрушку, а бабушка тоже своими бабушкиными делами занималась. И с Липой играть не могла. Дедушка не умел играть со жвачками-девочками, поэтому Липа к нему даже не подходила. Тётю Липа тоже любила. Тётя разрешала Липе всё-всё брать из шкафа и из шкатулки с драгоценностями. И столько всего могла придумать, что Липа даже не успевала радоваться. Длинные тётнины бусы превращались в корону, шаль – в шлейф, юбка – в принцессино платье. Но тёте тоже нужно было заниматься делами, и она уходила в другую комнату. А без тёти бусы никак не хотели ни во что превращаться, а шаль оставалась просто шалью.

Липа иногда думала, кого она любит больше всех – маму, папу, тётю или бабушку? И никак не могла решить. Когда с ней была мама, то Липа любила маму, когда тётя – то тётю, и даже брата иногда очень сильно любила – когда он разрешал ей посмотреть, как играет на компьютере. А иногда она думала, что больше не будет никого любить. Это случалось потому, что Липа обижалась. А обижалась она тогда, когда брат ей говорил: «Отлепись». Или мама спешила на работу, а Липе не хотелось её отпускать. Липа хваталась за мамину сумку и тянула на себя. Она знала, что без сумки мама не уйдёт. И мама сначала опускалась на колени, обнимала Липу и говорила, что постарается прийти пораньше. Но Липа не верила – мама всегда

обещала прийти пораньше, но никогда не получалось – и сумку не отпускала. И тогда мама сердилась, говорила, что Липа уже большая жвачка и должна понимать, и всё равно уходила. Или вот вечером папа садился читать Липе книжку, и в этот самый момент, на самом интересном предложении, папе звонили с работы по телефону. Папа оставлял книжку и шёл «говорить по делу». Как тут не обижаться? Липа даже сама научилась читать, чтобы узнать, чем книжка заканчивается. Потому что папа мог и забыть, что обещал дочитать. Тётя же вообще часто уезжала в командировки. Липа спрашивала маму, где тётя, почему не приезжает? А мама отвечала, что тётя не может сейчас приехать, а сможет только через неделю. И Липа опять обижалась – даже у тёти есть дела поважнее Липы. Липа подождать может, а дела – нет. А ещё Липа всегда плакала, когда кто-то уходил. Утром маме плакала, вечером – папе и даже однажды брату плакала. Когда он уезжал в спортивный лагерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.